

ТРИЛЕММА «БЕДНОСТИ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВИКТИМНОСТИ

Мария Сергеева*

DOI 10.24833/2073-8420-2021-2-59-70-79

Введение. Понятие бедности многогранно. Оно развивается вместе с растущей важностью личности в экономических отношениях. Рассматривая подходы к бедности в контексте различных векторов понимания, можно выделить три основных научных направления развития мысли: экономико-социологический, психологический и политический векторы. В работе рассмотрены основные признаки вышеуказанных подходов с их противоречиями.

Материалы и методы. В основе методологии работы лежат общетеоретические воззрения российских и зарубежных авторов, касающиеся понятия «бедность» и его значения в экономической и политической науке.

Результаты исследования. Представленные векторы (экономико-социологический, психологический и политический) имеют в явном или скрытом виде некоторые противоречия между собой. Можно предположить, что эта проблема будет разрешена только при разработке интегрального структурного понятия бедности, объясняющего механизмы взаимного влияния рассмотренных векторов и охватывающее все стороны «бедности».

Обсуждение и заключение. Исследование бедности в экономико-социологическом, политическом или психологическом воззрении требует не только научного разграничения, но и дифференциации терминов на правовом уровне, в частности, в терминах бедного, нищего и малоимущего населения.

Введение

По данным Росстата, в 2020 году численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в Российской Федерации составила 17,8 млн чело-

век, что на 1,65% меньше, чем в 2019 году. В результате, уровень бедности в стране упал на 0,2 процентных пункта в 2020 году, достигнув отметки в 12,1%.¹ Наряду с отмечающимся сокращением бедности в пандемическом году имеет место рост безработи-

* **Сергеева Мария Вячеславовна**, аналитик Всероссийского научно-исследовательского института труда Минтруда России
e-mail: Sergeevamary@hotmail.com
ORCID ID: 0000-0002-2026-325X

¹ Федеральная служба государственной статистики. - [Электронный ресурс]. – 2021. – Доступ: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 19.05.2021)

цы (4321,3 тыс. чел. против 3464,8 тыс. чел. в 2019 году) и снижение реальных располагаемых доходов населения, наблюдающиеся, в том числе, и в первом квартале 2021 года (96,4% относительно аналогичного периода прошлого года). Описанный парадокс затрагивает актуальную проблему, неоднократно поднимаемую в научном сообществе, а именно, вопрос понятия бедности и измерения этого феномена.

Особенностью предлагаемого в статье взгляда на бедность является использование междисциплинарного подхода к анализу, что позволяет предложить трилемму понятия «бедности».

Исследование

Бедность как явление изучалась человечеством во все эпохи существования последнего: от Античности (Платон, Аристотель) и Средневековья (Фома Аквинский) до Нового времени (А. Смит, Э. Реклю, Ч. Бут и др.) и современной истории (А. Сен, С. Алкире, Дж. Фостер и др.). Исходя из множественности подходов к определению бедности и, как следствие, различий в закладываемом смысле понятия, можно выделить три основных научных направления развития мысли: экономико-социологический, психологический и политический векторы.

Экономико-социологический вектор

Экономико-социологический взгляд в силу своей ориентированности на социум и общественные отношения характеризуется определением бедности «сверху-вниз» в рамках существующих экономических парадигм. Во многом, это обусловлено необходимостью экономически измерить масштабы бедности и определить ее место во взаимосвязях с другими общественно-экономическими явлениями. Так, в частности, концепции абсолютной бедности (концепции средств к существованию, концепции многомерной депривации), берущие за основу выставление «порога бедности» в денежном эквиваленте, расширились в концепции относительной бедности (многомерная относительная депривация, бедность как ограничение возможностей) и, впоследствии, стали рассматривать, в том числе, субъективную бедность.

Предложенный к рассмотрению вектор схож со структурной теорией бедности, делающей упор на демографический и рыночный контекст, провоцирующий бедность.

Структурный подход к пониманию бедности ставит в качестве основных предметов

исследования три основных направления, в рамках которых демографические и/или экономические условия способствуют (или ограничивают) рост численности бедного населения. Принимая во внимание то, что под структурой понимают макро и мезо уровень (Бреди Д. 2019), можно сказать, что к этим трем направлениям относятся: 1) прямое влияние демографических и экономических факторов на бедность; 2) опосредованное влияние и 3) влияние через изменение поведения. Таким образом, структурный подход представляется связанным с психологическим и политическим, однако, очевидно, фокус исследования значительно различается во всех рассматриваемых подходах.

Бедность была предметом экономико-философского рассуждения многие века, например теория Т. Мальтуса о несоизмеримом росте населения росту жизненных средств, необходимых для существования, ставила в зависимость бедность от чрезмерного роста народонаселения. В таком ключе, бедность представляется чем-то естественным, побочным эффектом общественного развития. Схожие идеи выделял Г. Спенсер в своем труде «Социальная статика», где бедность представляется обязательным следствием развития общества, обусловленным стремлением человечества к эволюции при неспособности некоторых адаптироваться к меняющимся условиям мира [10]. Тогда бедность является не только неискоренимым, но и необходимым злом в контексте развития всего человечества.

К. Маркс наряду с представителями эгалитаристского направления (Ж.-Ж. Руссо, Э. Реклю) видел первопричину бедности в устройстве социальной системы. Так, в основу бедности с марксистской точки зрения положено стремление господствующего класса эксплуатировать рабочих ради накопления капитала. Бедность в таком положении не может быть искоренена без смены механизмов работы социальной системы. В результате социальная революция представляется единственно возможным вариантом разрешения проблемы бедности [12].

Несмотря на то, что бедность как социально-экономическое явление рассматривалось многими учеными, вопрос расчета уровня бедности в рамках национального хозяйства становился предметом исследований намного реже. Одним из первых, кто предложил статистическую оценку бедности, а именно – оценивать бедность через выявление пороговых величин, был Ч. Бут в своем труде «Жизнь и труд лондонцев»

(1892-97). Определяя бедных как лиц, чей доход невелик в силу нерегулярности работы или низкооплачиваемости последней, Ч. Бут относит к этой группе людей, чьих средств (means) едва хватает на ведение достаточного независимого существования. Люди, относящиеся к данной группе, имея каждодневные тяготы, по мнению исследователя, неплохо одеты и не голодают. Однако их дохода не хватает для удовлетворения потребностей в соответствии со стандартами жизни в обществе [19]. Стоит отметить, что Ч. Бут разделял бедных и очень бедных, описывая последнюю группу как людей, живущих в условиях хуже представленных «бедных». Такой подход, вероятно, заложил базис для развития идей Э. Реклю, рассчитавшего минимальный уровень средств, необходимых для физического существования, и разделившего бедных и нищих по принципу достаточности дохода в сравнении с установленной пороговой величиной [7]. В отличие от Э. Реклю, Ч. Бут брал за основу показатели уровня дохода и соотношения размера недвижимого имущества к численности домохозяйства (crowding) [19].

Таким образом, изначально понятие бедности трактовалось как присущее работающему человеку, способному обеспечивать себе достаточный для выживания уровень жизни (удовлетворить основные потребности). Те, кто не попадал в эту группу, относились к нищим. В связи с тем, что большинство «нищих» оказывалось среди рабочего класса и крестьян, можно предположить, что наиболее острой проблемой в вопросах бедности было выведение трудящихся из категории нищих.

С. Раунтри, используя в анализе уровень дохода, необходимого для удовлетворения основных потребностей (в пище, жилье и одежде), определил его как абсолютную черту бедности [12]. При этом, разделяя бедность на первичную (семьи с недостаточными средствами для удовлетворения основных нужд даже при оптимальном использовании средств) и вторичную (семьи, где неудовлетворение потребностей обуславливается растрацией), С. Раунтри фактически приравнял бедных и нищих, тем самым сместив фокус на последних. Однако выделение данных видов бедности позволило научному сообществу дифференцировать в числе факторов бедности – фактор ответственности бедного состояния (индивида или социальной системы).

В результате описанные исследования стимулировали дальнейшее развитие идей

абсолютной бедности (коэффициент Энгеля, метод М. Оршански) и заложили переход к относительным концепциям. И если концепции абсолютной бедности были ориентированы, по мнению Ярошенко С., на бедность как нужду, то относительные концепции поднимают другой аспект экономического восприятия бедности – бедность как неравенство [15].

По мере того, как развивались концепции бедности, возникает осознание недостаточности использования порогов абсолютной бедности. Во многом этому способствовала индустриализация, придавшая особую ценность результатам интеллектуальной деятельности человека, благодаря чему в экономику были введены понятия человеческого капитала – Дж. Минсер (1958) [29]. В результате, в 70-х годах XX века был предложен подход относительной депривации, основанный на оценке относительного уровня бедности исходя из обычного, «среднего» уровня жизни. Одним из основателей этого подхода считается П. Таунсенд, который определил, что люди являются богатыми или бедными по отношению к тому, какая доля доступных для всех членов общества ресурсов доступна и для них [33]. То есть если человек не имеет ресурса для жизни на уровне, считающимся обычным и широко принятым в обществе, тогда его можно считать бедным [32].

Другой подход к бедности предлагал А. Сен, во многом связывая его с понятием человеческого развития, что позволяет рассмотреть бедность уже не сквозь призму экономико-социологического вектора, а с позиции политических взглядов.

Политический вектор

В основе идейных работ А. Сена лежит понимание, что развитие – это «процесс расширения реальных прав и свобод, которыми пользуются члены общества» [9. С.21]. Он многочисленно доказывает этот тезис на примере таких социальных проблем, как бедность и голод, предлагая взгляд на эти явления не с позиции теории доходов, а с позиции правового доступа к продукту и, как следствие, к процессам распределения. Так, «голодание...это не признак отсутствия достаточного количества продовольствия вообще...способность индивида иметь в своем распоряжении продовольствие...зависит от отношений собственности, которые регулируют владение и пользование в данном обществе» [8. С. 187]. В результате бедность и голод обуславливается различием в пра-

вах получения с точки зрения участия в распределении, основываясь на возникших отношениях собственности, т.е. относительно имеющихся политических свобод.

Связь политических свобод и гражданских прав представлена А. Сеном на примере анализа голода в демократических странах: «при демократии не бывает голода... в демократической стране, какой бы бедной она ни была, никогда не случалось массового голода» [9. С. 69]. Данный тезис иллюстрирует положительное влияние такой политической свободы как демократическое устройство на экономическую свободу в виде права не голодать и на свободу (как право) выживать.

Таким образом, в основе развития у Сена лежит расширение прав и свобод, которые, в свою очередь, определяют реальные условия жизни населения, а значит, детерминируют человеческое развитие («реальные условия жизни, которых людям удалось достичь... или в более широком аспекте, свобода, способствующая достижению тех реальных условий жизни, которые человек имеет все основания ценить» [9. С. 91]).

Говоря о равенстве прав в ключе А. Сена, можно заметить отголоски античных взглядов на предмет умеренности во всем. Так, например, Платон в контексте распределения и бедности утверждал: «И от бедности, и от богатства – хуже становятся как изделия, так и сами мастера» [6]. Тогда богатство в отсутствие умеренности перестает восприниматься как благо [14].

В пользу данных взглядов говорят и многие современные исследования. Некоторые ученые связывают бедность с неравенством, видя в последней политические корни. В основе таких идей лежит призыв к перераспределению ресурсов и к справедливому налогообложению, что представляется необходимым для достижения баланса в экономике и решения проблемы неравенства [27]. Другие авторы связывают политические аспекты бедности с политической нестабильностью [25], влияние которой проявляется, в частности, в двух аспектах. Прежде всего, политическая неопределенность как неопределенность в отношении государственной политики приводит к снижению накоплений как физического, так и человеческого капитала, что, впоследствии, ведет к сокращению инвестиций. Низкий уровень инвестиций, в свою очередь, замедляет экономический рост, что способствует увеличению уровня бедности. С другой стороны, политическая нестабильность также

стимулирует неравенство доходов, что дает новый толчок к развитию бедности как проблемного явления [25].

В качестве альтернативного взгляда на бедность в продолжении идей А. Сена можно предложить подход к определению бедности через оценку виктимности.

Виктимность, по мнению Б. Мендельсона, означает «состояние, факт или свойство быть жертвой». Несмотря на то, что многие авторы предпочитают понимать виктимность через оценку уровня преступности [4;30], в рамках данной статьи такой подход представляется недостаточным, так как он не проводит четкого разделения между преступником и жертвой и не отражает в полной мере взаимоотношения между ними. В результате индивид может и не осознавать своего «жертвенного» положения при том, что над ним было совершено преступление. Тогда виктимность оказывается напрямую связана с правосознанием. Примером данного тезиса является нарушение прав и свобод гражданина, узаконенных в Конституции Российской Федерации, в случае, если: 1) человек не знает о своих правах и, соответственно, не понимает, что стал жертвой преступления; или 2) права человека нарушаются не открытым, а скрытым образом. В совокупности это поднимает вопрос о тождественности понятий виктимности и жертвы как с юридической, так и психологической точки зрения.

Об этом, в частности, пишет Н.В. Сплавская (2015). Результаты ее исследования указывают на проблему развития правового нигилизма как «особой формы мироощущения и социального поведения, выражающейся в полном неверии в потенциальные возможности права». В основе правового нигилизма лежит осознание индивидом собственной незащищенности. По данным исследования, 91% респондентов убеждены в собственной виктимности [11].

Определяя «преступление» как «конфликт преступника и потерпевшего, возникающий тогда, когда его участники ощущают себя несправедливо обделенными» [11. С. 26], Н.В. Сплавская приходит к выводу о том, что большая часть правонарушений обусловливается не дефицитом материальных благ, а дефицитом правовой и нравственной культуры преступников и потерпевших.

Рассматривая бедность с позиции концепции возможностей А. Сена, можно говорить о влиянии государства на уровень виктимности человека. Это вопросу, в частности, посвящено исследование Марковой

О.А. (2019) по анализу детерминант криминальной виктимизации населения Забайкальского края. Результаты позволили определить уровень удовлетворения основных социально-экономических потребностей (безработица, криминализация, социально-культурная деградация, барьеры для развития производства и т.д.) в качестве фактора виктимизации населения [5].

Тогда, опираясь на понимание бедности через права и свободы человека, можно предложить следующее определение бедности в контексте политического вектора: бедность – это виктимное состояние человека, определяющее его невозможность реализовывать собственные, прежде всего, гражданские права.

Психологический вектор

Психологический вектор в отношении к рассматриваемой проблеме находит свое выражение в субъективной оценке бедности и является логичным продолжением исследования данного феномена на фоне растущего значения человеческого фактора. В основе психологического направления к оценке бедности лежит принцип социального сравнения, который, с одной стороны, базируется на явлении «социальной зависти» и, как следствие, на ощущении социального обеднения [3], но, с другой стороны, отражает уровень выставляемых людьми границ потребления, исходя из собственного жизненного опыта (по принципу довольствоваться малым). Тогда можно говорить о психологическом векторе как о подходе к оценке бедности «снизу-вверх».

Несмотря на то, что субъективную оценку бедности часто связывают с политической устойчивостью проводимых реформ [1], этот подход активно применяется в различных исследованиях [23;31]. И если раньше, например в Нидерландах, субъективная оценка бедности рассчитывалась через черту бедности по ответам респондентов на вопрос о минимальном доходе, необходимом для достижения достаточного образа жизни как функции от настоящего дохода опрошенных [12], то сегодня этот подход усложняется. В частности, некоторые авторы предлагают включать в анализ такие индикаторы, как: класс, структура семьи, стабильность дохода и отношение к будущему исследованиях [23].

Другой взгляд на бедность с позиции психологического вектора предлагают Дженкс К. (1992), Бенртранд М. (2004), рассматривая данное явление с позиции бихе-

виористского подхода. Тогда бедность порождается и определяется поведением самих индивидов, которые, по мнению представителей этого подхода, занимаются контрпродуктивной деятельностью или относятся к таким группам риска, как, например, безработные [17;22]. Исходя из такой точки зрения, учитывая процессы социализации, бедность возрастает с распространенностью людей с демографическими характеристиками, обуславливающими их контрпродуктивное поведение. По мнению бихевиористов, например, расовые различия в бедности возникают из-за непропорционально большого количества проблемного поведения среди расовых меньшинств [18]. В результате для сокращения бедности необходимо уменьшение численности людей, участвующих в таком поведении [26].

В рамках такого подхода можно говорить о роли культурного фактора, детерминирующего образ жизни человека, включая паттерны поведения в определении бедности. Речь идет о «культуре бедности». Воронков В.М. и Фомин Э.А., исследуя данный феномен в России, приходят к выводу о том, что бедность является не только результатом внешних условий и обстоятельств, но и в меньшей степени следствием ментальной инерционности и внутренней неготовности населения к другим, неизвестным ранее способам жизнедеятельности [2].

Третья грань психологического вектора понимания бедности отражена в анализе виктимности. При этом о виктимности здесь также стоит говорить в двух контекстах: как об индивидуальной виктимности, так и о «культуре жертвоприношения».

С одной стороны, вопреки острой критике перекладывания ответственности с преступника на жертву, виктимность и ее психологические аспекты являются предметом многих научных исследований. Многие из современных трудов включают в себя анализ взаимосвязи ряда личных качеств человека и фактом преступления.

Так, в работе Райт М. и Вахса С. (2019) была эмпирически доказана связь между чувством одиночества и принадлежности к школе с кибер-виктимностью [34]. Ассинк М. (2019) при исследовании факторов, детерминирующих риск виктимизации сексуального насилия над детьми, пришел к выводу, что росту виктимности по данному направлению, помимо прочего, способствуют такие факторы, как: проблемы воспитания, факт ненуклеарности семьи, проблемы с коммуникацией в виде социальной изоля-

ции, проблемы со здоровьем (психическим и/или физическим) и ряд других характеристик, в том числе пол [16]. К другим рассматриваемым факторам виктимности также относят психопатологию [21], чувствительность к отказам (как страх быть отвергнутым) [24].

Учитывая субъективную оценку жизни индивида, разный человеческий опыт, рассмотрение индивидуально-психологической виктимности через имеющийся уровень правосознания, который, в свою очередь, зачастую определяется уровнем образования, представляется логичным. Тогда виктимность должна оцениваться не только по уровню преступлений, но и с включением в анализ субъективной оценки собственной виктимности – по аналогии с исследованием Н.В. Сплавской (2015) [11].

Другой аспект – массовой виктимности – находит свое отражение в становлении «культуры жертвоприношения». По мнению Кэмпбелла Б. и Мэннинга Дж. (2014), в основе этой культуры лежит категорическое настаивание субъектов на собственной виктимности, нацеленное на повышение своего морального статуса [20]. Положительное подкрепление в виде угнетения собственных угнетателей (т.е. преступники становятся жертвами) лишь стимулирует людей снова обращаться к статусу жертвы. В результате речь идет не о достижении равенства (например, в правах), а о получении привилегий [13]. Об этом, в частности, писал О. Зур,, отмечая, что, «заявляя о статусе жертвы и возлагая всю вину на других, человек может достичь морального превосходства» [35]. Более того, жертва, апеллируя к правовой системе, требует выплаты компенсации, которая фактически приобретает форму ренты от наличного статуса «жертвы» [13].

Таким образом, психологический вектор к пониманию бедности имеет тесные связи с политическим и экономико-социологическим векторами. Можно предположить, что выявленная взаимосвязь обусловлена пока еще недостаточной степенью выделения психологического фактора из других обозначенных направлений, что, в свою очередь, определено растущей важностью человеческого фактора в экономике и, как следствие, только начавшимся в экономическом изучении переходом от психологии внешней (с позиции внешнего наблюдателя) к психологии внутренней (психология личности) в контексте экономических и социальных отношений.

Трилемма бедности: результаты исследования

В чем же заключается трилемма понятий бедности? Проблема кроется в явном или скрытом противоречии рассматриваемых научных подходов в контексте экономико-социологического, политического и психологического векторов. Так, если рассматривать бедность с позиции любой концепции в рамках экономико-социологического подхода, результаты не будут отражать или включать в себя подходы, предложенные в других направлениях (политический, психологический), так как в основе всех трех векторов лежат разные принципы определения бедности. Это делает невозможным сопоставление показателей.

С другой стороны, сравнивая анализируемые подходы с точки зрения виктимности, можно сказать, что рассматриваемые вектора значительно дополняют друг друга, предлагая к анализу новые грани виктимности бедного населения, которые, впрочем, ложатся в основу определений бедности. Однако возникает вопрос о взаимосвязи выявленных типов виктимности с позиции междисциплинарного подхода и об их оценке.

Можно предположить, что эта проблема будет существовать до тех пор, пока не будет разработана общая структура взаимодействия рассмотренных векторов, объясняющая их взаимное влияние, объединяющая в себе многогранность понятия «бедность» и отражающая механизмы взаимодействия разных типов виктимности по векторам и в целом.

Заключение

В ходе исследования, исходя из множественности подходов к определению бедности и, как следствие, различий в закладываемом смысле понятия, было выделено три основных научных направления развития мысли: экономико-социологический, психологический и политический векторы.

Экономико-социологический вектор рассматривает бедность с позиции экономических категорий: от монетарных теорий до подходов, базирующихся на анализе бедности по принципу «сверху-вниз», то есть в целом, в отрыве от каждого отдельного домохозяйства. Психологический вектор, напротив, исходит «снизу-вверх», опираясь, прежде всего, на восприятие отдельных субъектов. Политический вектор, в свою очередь, связывает бедность с возможностью

реализации прав человека. Исследуемые вектора также были дифференцированы по критерию виктимности. Так, в частности, в рамках анализа политического вектора было предложено следующее понимание бедности: бедность – это виктимное состояние человека, определяющее его невозможность реализовать собственные, прежде всего, гражданские права.

Несмотря на то, что представленные векторы связаны друг с другом, они имеют в явном или скрытом виде некоторые противоречия между собой. Можно предположить, что эта проблема будет разрешена тогда, когда будет разработана общая структура взаимодействия рассмотренных векторов, объясняющая их взаимное влияние, объединяющая в себе многогранность понятия «бедность» и отражающая механизмы

взаимодействия разных типов виктимности по векторам и в целом.

Тогда в общей структуре взаимодействия рассмотренных векторов понятие бедности может быть, в общем, объединено в следующее: бедность – это сравнительная оценка человека как экономического субъекта виктимностей людей в отношении их возможности реализации прав человека. Такое определение также показывает взаимообусловленность трех источников или граней бедности.

Более того, понятно, что исследование бедности в экономико-социологическом, политическом или психологическом воззрении требует не только научного разграничения, но и дифференциации терминов на правовом уровне, в частности, в терминах бедного, нищего и малоимущего населения.

Литература:

1. Бондаренко Н.В. Интерпретация субъективных оценок личного материального благосостояния // Экономические и социальные перемены. 1997. № 6.
2. Воронков В.М., Фомин Э.А. Типологические критерии бедности // Социологический журнал. 1995. № 2.
3. Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Методы социологических исследований. 2003.
4. Долгорукова И.В., Кириллов А.В., Мазаев Ю.Н. и др. Динамика виктимизации населения России: социологическая оценка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
5. Маркова О.А. Ковальчук Л. Б., Кошелев М.С. Детерминанты криминогенной виктимизации населения Забайкальского края // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13., № 1.
6. Платон. Собрание сочинений в четырёх томах. М., 1994 Т. 3.
7. Реклю Ж. Богатство и нищета. М., 1906.
8. Сен А. Политическая экономия голода. В кн. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
9. Сен А. Развитие как свобода. М., 2004.
10. Спенсер Г. Социальная статика. Киев, 2013.
11. Сплавская Н. В. Правосознание молодежи как фактор повышенной виктимности // Виктимология. 2015. № 3.
12. Сычева В.С. Измерение уровня бедности: история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 3.
13. Фишман Л.Г. Жертва и рента // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44.
14. Чалов И.В. Вопросы богатства и бедности в Античной философии // Вестник ТвГУ. Серия "Философия". 2011. № 2.
15. Ярошенко С. Теоретические модели бедности // Рубеж (альманах социальных исследований). 1996. № 8-9.
16. Assink M., van der Put C. E., Meeuwssen M. W. C. M. et al. Risk factors for child sexual abuse victimization: A meta-analytic review // Psychological Bulletin. 2019. Vol. 145. № 5.
17. Bertrand M, Mullainathan S, Shafir E. A behavioral economics view of poverty // American Economic Review. 2004. № 94.
18. Brady D. Theories of the Causes of Poverty // Annual Review of Sociology. 2019. № 45.
19. Booth Ch. Life and labour of the people in London. L.: Macmillan & Co., 1903-04. Vol. 17 (final).
20. Campbell B., Manning J. Microaggression and moral cultures // Comparative sociology. 2014. Vol. 13.
21. Daigle L.E., Harris M.N., Teasdale B. Psychopathic Traits and Victimization: What Mechanisms Mediate the Relationship? // Criminal Justice and Behavior. 2020. Vol. 47. № 7.
22. Durlauf S.N. Poverty Traps. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press. 2011.

23. Duvoux N., Papuchon A. Subjective Poverty as perceived lasting social insecurity: Lessons from a French survey on poverty, inequality and the welfare state (2015-2018). International Inequalities Institute. The London School of Economics and Political Science. 2019. Working paper 36.
24. Gao S, Assink M, Liu T. et al. Associations Between Rejection Sensitivity, Aggression, and Victimization: A Meta-Analytic Review // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2021. Vol. 22. № 1.
25. Iram S., Hafiz M.A., Majeed M.T. Impact of political instability on economic growth and income inequality // *Pakistan Business Review*. 2019. Vol. 20. № 4.
26. Jencks C. *Rethinking Social Policy*. New York: Harper. 1992.
27. McCloskey S. Poverty is a Political Choice: A UN Rapporteur Has Delivered a Withering Critique of the International System Policy and Practice // *A Development Education Review*. 2020. № 31.
28. Mendelsohn B. The Origin of the Doctrine of Victimology // *Excerpta Criminologica*. 1963. № 3.
29. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66. № 4.
30. Morgan R.E., Truman J.L. Criminal Victimization. Bureau of Justice Statistic. 2020. NCJ 255113. Criminal Victimization, 2019.
31. Mysíková M., Želinský T., Garner T., Fialová K. Subjective Income Poverty and Equivalence Scales in Eastern vs Western European countries. IARIW-HSE. 2019.
32. Townsend P. *Poverty in the United Kingdom*. Berkeley: Univ. of California, 1979.
33. Townsend. P. The Meaning of Poverty // *The British Journal of Sociology*. 2010.
34. Wright M.F., Wachs S. Adolescents' Psychological Consequences and Cyber Victimization: The Moderation of School-Belongingness and Ethnicity // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16. № 14.
35. Zur O. Rethinking «Don't Blame the Victim»: Psychology of Victimhood // *Journal of Couple Therapy*. 1994. № 4 (3/4).

«POVERTY» TRILEMMA THROUGH VICTIMIZATION CONCEPT

Introduction: *The concept of poverty is multifaceted. It develops along with the idea of growing importance of the individual in economic relations. Considering approaches to poverty in the context of various vectors of understanding, we can identify three main scientific directions of thought development: economic-sociological, psychological and political vectors. The paper considers the main features of the above-mentioned approaches with their contradictions and with special focus on the role of victimization within the vectors.*

Materials and methods: *The methodology of the work is based on the general theoretical views of Russian and foreign authors pertaining to the concept of "poverty" and its significance in economic and political science. Psychological view is also studied.*

The results of the study: *The presented vectors (economic-sociological, psychological, and political) are found to have some contradictions between them, either explicit or implicit. However comparing the approaches from the victimization point of view it is possible to say that the vectors in question complement each other, offering to the analysis new facets of victimization of the poor population which in turn go into the basis of poverty definitions. Therefore, it brings forward the question of the relationship between the identified types of victimization through*

the interdisciplinary approach's perspective and/or in terms of their assessment.

The studied vectors were also differentiated by the criterion of victimization. Thus, within the framework of the analysis of the political vector, the following understanding of poverty was introduced: poverty is a victimization state of a person, which determines their inability to use their civil rights.

It can be assumed that the contradictions found will be solved by developing a general structure of interaction of the considered vectors that explains the mechanisms of mutual influence of the considered vectors, covers all aspects of "poverty" and reflects the ways of interaction of different victimization types with respect to different vectors and/or in general.

Discussion and conclusion: *The study of poverty in economic-sociological, political or psychological perspective requires not only scientific differentiation, but also a terminological differentiation with respect to legal definitions, in particular, pertaining to the poor, very poor (almspersons) and indigent population.*

Maria V. Sergeeva,
PhD student in Economics, Analyst of the
All-Russia Research Institute of Labor of the
Ministry of Labor of Russia

Ключевые слова:

бедность, черта бедности, абсолютная бедность, относительная бедность, прожиточный минимум, права человека

Keywords:

poverty, poverty line, absolute poverty, relative poverty, living wage, human rights

References:

1. Bondarenko N.V. 1997. Interpretacija subektivnyh ocenok lichnogo material'nogo blagosostojanija [Interpretation of the subjective evaluation of personal wealth]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny [Economic and Social Changes]*. № 6.
2. Voronkov V.M., Fomin Je.A. 1995. Tipologicheskie kriterii bednosti [Typological criteria of poverty]. *Sociologicheskij zhurnal [Journal of Sociology]*. № 2.
3. Davydova N.M. 2003. Deprivacionnyj podhod v ocenkah bednosti [Deprivation approach to poverty evaluation]. *Metody sociologicheskijh issledovanij [Methods of Sociological research]*.
4. Dolgorukova I.V., Kirillov A.V., Mazaev Ju.N. 2018. Dinamika viktimizacii naselenija Rossii: sociologicheskaja ocenka [Dynamics of victimization of the Russian population: A sociological evaluation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija. [RUDN Journal of Sociology]*. Vol. 18. № 2.
5. Markova O.A. Koval'chuk L. B., Koshelev M.S. 2019. Determinanty kriminogennoj viktimizacii naselenija Zabajkal'skogo kraja. [Determinants of criminogenic victimization of Transbaikal region's population]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of criminology]*. Vol. 13. № 1.
6. Platon, 1994. Sobranie sochinenij v chetyrjoh tomah [Collected works in four volumes]. Moscow. Vol. 3.
7. Reklju Zh. 1906. Bogatstvo i nishheta [The rich and the poor]. Moscow.
8. Sen A. 1992. Politicheskaja jekonomija goloda [The Political Economy of Hunger: Selected Essays]. Moscow.
9. Sen A. 2004. Razvitie kak svoboda [Development as freedom]. Moscow.
10. Spenser G. 2013. Social'naja statika [Social Statistics]. Kiev.
11. Splavskaja N.V. 2015. Pravosoznanie molodezhi kak faktor povyshennoj viktimnosti [The legal consciousness of youth as a factor of their increased victimization]. *Viktimologija [Victimology Journal]*. № 3.
12. Sycheva V.S. 1996. Izmerenie urovnja bednosti: istorija voprosa [Poverty evaluation: historical approach]. *Sociologicheskije issledovanija. [Sociological Studies]*. № 3.
13. Fishman L.G. 2018. Zhertva i renta [Victimhood and rent]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya - Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]*. № 44.
14. Chalov I.V. 2011. Voprosy bogatstva i bednosti v Antichnoj filosofii [Wealth and poverty in ancient philosophy]. *Vestnik TvGU [Tver state University journal]*. № 2.
15. Jaroshenko S. 1996. Teoreticheskie modeli bednosti [Theoretical approached to poverty]. *Rubezh (al'manah social'nyh issledovanij) [Almanac of social research]*. № 8-9.
16. Assink M., van der Put C. E., Meeuwssen M. W. C. M. et al. 2019. Risk factors for child sexual abuse victimization: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*. Vol. 145. № 5.
17. Bertrand M., Mullainathan S., Shafir E. 2004. A behavioral economics view of poverty. *American Economic Review*. № 94.
18. Brady D. 2019. Theories of the Causes of Poverty. *Annual Review of Sociology*. № 45.
19. Booth Ch. 1903-04. Life and labour of the people in London. L.: Macmillan & Co. Vol. 17 (final).
20. Campbell B., Manning J. 2014. Microaggression and moral cultures. *Comparative sociology*. Vol. 13.
21. Daigle L.E., Harris M.N., Teasdale B. 2020. Psychopathic Traits and Victimization: What Mechanisms Mediate the Relationship? *Criminal Justice and Behavior*. Vol. 47. № 7.
22. Durlauf S.N. 2011. Poverty Traps. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.
23. Duvoux N., Papuchon A. 2019. Subjective Poverty as perceived lasting social insecurity: Lessons from a French survey on poverty, inequality and the welfare state (2015-2018). International Inequalities Institute. The London School of Economics and Political Science. Working paper 36.
24. Gao S, Assink M, Liu T. et al. 2021. Associations Between Rejection Sensitivity, Aggression, and Victimization: A Meta-Analytic Review. *Trauma, Violence, & Abuse*. Vol. 22. № 1.
25. Iram S., Hafiz M.A., Majeed M.T. 2019. Impact of political instability on economic growth and income inequality. *Pakistan Business Review*. Vol. 20. № 4.
26. Jencks C. 1992. Rethinking Social Policy. New York: Harper.
27. McCloskey S. 2020. Poverty is a Political Choice: A UN Rapporteur Has Delivered a Withering Critique of the International System Policy and Practice. *A Development Education Review*. № 31.
28. Mendelsohn B. 1963. The Origin of the Doctrine of Victimology. *Excerpta Criminologica*. № 3.

29. Mincer J. 1958. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. Vol. 66. № 4.
30. Morgan R.E., Truman J.L. 2020. Criminal Victimization. Bureau of Justice Statistic. NCJ 255113. Criminal Victimization, 2019.
31. Mysíková M., Želinský T., Garner T., Fialová K. 2019. Subjective Income Poverty and Equivalence Scales in Eastern vs Western European countries. IARIW-HSE.
32. Townsend P. 1979. Poverty in the United Kingdom. Berkeley: Univ. of California.
33. Townsend. P. 2010. The Meaning of Poverty. *The British Journal of Sociology*.
34. Wright M.F., Wachs S. 2019. Adolescents' Psychological Consequences and Cyber Victimization: The Moderation of School-Belongingness and Ethnicity. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 16. № 14.
35. Zur O. 1994. Rethinking «Don't Blame the Victim»: Psychology of Victimhood. *Journal of Couple Therapy*. № 4 (3/4).